

*Библиотека
современной прозы*

СЧАСТЛИВЫЙ МЕЗАЛЬЯНС

Нурбей Гулиа

МОСКОВСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Нурбей Гулиа
Счастливый мезальянс

«Литературная Республика»

2014

Гулиа Н. В.

Счастливый мезальянс / Н. В. Гулиа — «Литературная Республика», 2014

Мезальянс, или неравный брак, обычно бывает несчастлив. Мало кому из юных красавиц принесёт счастье брак с богатым бизнес-старцем, или из молодых «мачо» брак с «заслуженной» или даже «народной» артисткой-пенсионеркой. Автор описывает достаточно редкий случай мезальянса счастливого, организатором и «вдохновителем» которого был он сам, раскрывает все тайны и технологии этого мезальянса. Неожиданной оказывается и ещё более счастливая трансформация этого мезальянса в обычный альянс, уже без творческого участия автора.

© Гулиа Н. В., 2014

© Литературная Республика, 2014

Содержание

Вступление	5
Спортзал	7
Дмитрий	10
Деревня Безобразово	12
Осовременивание Димы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Нурбей Гулиа

Счастливый мезальянс

Вступление

Кто встречался с моими книгами, а я имею в виду отнюдь не научные монографии, учебники и научно-популярные издания, а только литературу художественную, тот помнит, наверное, что без эротики, и что уж греха таить, без секса, там не обошлось. Конечно же, всё в интеллигентных выражениях, культурно так, чинно-благородно – иначе мне моё профессорское звание не позволяет!

Однако, если уж о сексе, то он тоже разным бывает. Даю грубую, приближённую, но для данного случая достаточную классификацию.

Первый вид секса – чисто детородный. Это тот, который, конечно же, был и при Советах, но до чего не догадывались общественные деятельницы уже недетородного возраста, которых этот секс просто не затрагивал. И хотя этот секс мало чем отличался от секса других млекопитающих, но если бы его не было, не было бы и нас с вами.

Второй вид секса – традиционный, то бишь между взрослыми разнополыми индивидуумами, а там – в каких коллективах, манерах и позициях он производился – не наше собачье дело! Если он производился, значит, он был приятен или полезен (и тем самым приятен!) участвующим в нём. И любая критика здесь неуместна – это личное дело самих совокупляющихся! Желательны только ненавязчивые медицинские советы, к которым я (говорю это из личного опыта!) рекомендовал бы прислушиваться.

И последний вид в этой грубоватой и приблизительной классификации – секс нетрадиционный. В своей книге «Полисексуал» я попытался описать только некоторые, наиболее доступные в наш век, виды и формы такого секса. Конечно же, больше всех других, да и вместе взятых, распространён секс гомосексуальный, или между людьми одинакового пола. От себя скажу, может не очень грамотно (я, всё-таки больше специалист по теоретической механике, чем по механике секса!), назвать всех гомосексуалов людьми одинакового пола можно только условно (кстати, бытующий термин «гомосексуалист» мне кажется не очень обоснованным; ведь не говорим же мы «транссексуалист», «бисексуалист», «гетеросексуалист» и т. д.). Если, конечно, гомосексуальная связь происходит не между умственно отсталыми дикарями, почему-то проживающими в современном мире, и не в местах заключения, где «петухами» становятся обычно насильно! Я не являюсь знатоком активных лесбиянок, но пассивный мужчина-гомосексуал – это психически настоящая женщина. Физически сильная и со всеми мужскими половыми признаками, но женщина! Нежная, игривая, влюбляющаяся в лиц мужского пола, женщина!

Это юмор, причём юмор горький, наблюдать такого индивидуума подвыпившим (или подвипившей!), в разнополой компании. Это и чисто женские позы, и закатывание глазок, и тайные подмигивания. И такое желание завладеть понравившимся мужчиной, увести его в укромное местечко и там обласкать его! Мужики обычно шарахаются от таких непонятных типов, могут даже «врезать» им для «профилактики». Но как поступать тем, кто их понимает? Или кому этот жено-мужчина, гей или «ледибой», или как там ещё его, понравился? Понравился пылом своей чисто женской, но не востребованной души, чаще всего не испорченной материальной заинтересованностью? И при этом, если тот «некто», кому понравился наш гей, обладает, хотя бы в малой степени, хотя бы зачатками бисексуальности, чтобы просто не оттолкнуть от себя этого гея, ледибоя, или, правильнее, пассивного гомосексуала, это уже хорошо. А уж совсем отлично, если этот «некто» оказался активным гомосексуалом, доста-

точно редким среди интеллигентных и психически нормальных людей! Тогда любовь разовьётся такая, что ей могли бы позавидовать и Ромео с Джульеттой, Данте со своей Беатриче, а тем более, асексуальные Петрарка с Лаурой!

Вот на этой оптимистической ноте и завершу я краткий анализ видов секса, чтобы перейти к последующему изложению событий, имеющих тесную связь с упомянутым анализом. События эти отражают достаточно распространенное явление в современной жизни, называемое мезальянсом, или попросту неравным браком, браком по расчету. Этот расчет носит не обязательно финансовый характер, он может быть любого плана. Есть даже загадка такая: может ли быть счастливым брак по расчету? Ответ: может, если расчет верен!

В старое советское время, называемое сталинским, профессора вузов получали очень высокую зарплату, им даже можно было одновременно работать в двух вузах. Так вот, эти профессора были лакомым кусочком в качестве женихов для студенток. В железнодорожном институте в городе Тбилиси, где я учился, работал профессор-гидравлик, всемирно известный ученый, между прочим. Так у этого профессора была жена – его студентка, не ведавшая проблем ни с учебой, ни с деньгами, и жившая в шикарной профессорской квартире. А самым интересным было то, что этот профессор работал ещё в Индустриальном институте в Баку и там тоже имел жену-студентку. Вот и мотался туда-сюда наш престарелый гений на материальную радость двум юным женам-студенткам.

Я рано стал профессором и успел вкусить высоченную зарплату, намного выше министерской, особенно с учетом ещё полставки за науку. В переводе на наши деньги это было порядка трехсот тысяч рублей. А сейчас ставка профессора вуза раз в пятьдесят ниже, но с учетом всевозможных доплат – раз в десять. Вот и перестали юные красавицы любить профессоров, за исключением тех, что ещё на фирмах науку делают. Но куда им до всякого рода трудящихся-финансистов, топ-менеджеров, коррупционеров-чиновников, футболистов, а главное – модных артистов! Кишка профессорская тонка, но ведь никто из них на фирмы не переходит работать, если только не по совместительству!

Но всё равно – жить стало лучше, жить стало веселее! Особенно отрадно то, что соблюдено равенство полов в финансовом благополучии – появились богатенькие бизнес-леди, спортсменки-теннисистки, а главное – модные певицы – любимицы миллионов, в смысле миллионов долларов. Плохо только то, что наиболее богатенькие вышли уже из детородного возраста, а из сексуального – ещё нет. А партнеры-то нужны ещё детородные, иначе на что они! У старцев-то тестостерону маловато, да и приближаться к ним желательно только в темноте, чтобы зайкой со страху не сделаться! Вот и процветают молоденькие тезки французского писателя, автора «Тартарена из Тараскона», а как звали его, помните? Да, да – Альфонсом!

Я так искренне жалею молодёжь в этих мезальянсах, причем парней больше, чем девушек. Девушкам что – глаза закрыла, зубы стиснула и ждёт, бедняжка, конца мучений! А ждать-то долго приходится, возраст у партнера немалый. . . Но всё это нонсенс по сравнению с истинно адowymi муками молодого красавчика, который должен таки, кровь из носу, удовлетворить свою старушку-благодетельницу, а она, блин, всё не удовлетворяется, да не удовлетворяется! Удавил бы, списал на старость, да нельзя – а жить-то на что будет!

Вот из сострадания к описанным выше адowymi мукам юношей и девушек, если только они не больны геронтофилией – спасительным недугом для них, я и задался целью придумать – как же сделать мезальянс счастливым. И не для того, чтобы получить ещё один патент к моей полтысяче таковых, и скрывать его, надеясь продать подороже! Нет, мне для хороших молодых людей ничего не жалко, и я раскрою секрет счастливого мезальянса, придуманного мной и испытанного на друзьях! Особенно с учетом того, что он уже без моих творческих усилий трансформировался в ещё более счастливый альянс на нашу общую радость! Читайте же и радуйтесь вместе с нами!

Спортзал

События, о которых я хочу рассказать, начались в спортзале, называемом «тренажерным». Я хожу в этот спортзал уже много лет, мне это удобно по многим причинам. Во-первых, это близко от дома, минут десять хода. Во-вторых, зал ещё ближе от университета, где я работаю, тут ходу всего минут пять. Я и местожительство выбрал так, чтобы и от работы и от спорта было недалеко!

Работаю я заведующим кафедрой, у меня неплохой кабинет, а к нему примыкает комната для отдыха, которую я переоборудовал в «микроспортзал». Поставил там несколько основных стенов – для жима лёжа, приседаний и тяги. Но этого «микроспортзала» оказалось недостаточно для полноценных тренировок, и поэтому я подыскал поблизости настоящий тренажерный зал с сауной и тренером – бывшим, как и я, штангистом. Тренер этот, почти мой ровесник, давно отошел от спорта, и занялся тренерской работой. Поначалу, когда штанга была «в почете», он и сам тренировался «для здоровья» и воспитывал молодых штангистов. Но с конца восьмидесятых, когда пауэрлифтинг и бодибилдинг – по старинке «культуризм» – почти вытеснили классическую тяжелую атлетику, всё пошло по-другому. Тренер перестал «работать» со штангой, лишь изредка заходя в зал, а основное время проводил в маленькой комнатке на втором этаже перед телевизором, сидя в кресле и «возложив» ноги на стол.

Я же проводил в зале столько времени, на сколько хватало сил – часа два-три, потом принимал душ и шел либо домой, либо в университет. А, может, «ещё куда» – я-то был разведен, и в очередной – третий раз, ещё не женился, так что «имел право». Пока же находился в зале, добровольно исполнял обязанности тренера, так как ребята, видя старшего и опытного коллегу, инстинктивно принимали его за тренера. Я же в юности и молодости активно занимался бодибилдингом, называемым тогда «культуризмом», и охотно передавал ребятам свои навыки.

Когда-то, в конце 60-х годов, в период моей работы доцентом Тольяттинского политехнического института, я даже организовал секцию культуризма, о чем простоудушно вывесил объявление в вестибюле института. И что ж – объявление было сорвано, а я вызван в партком института. Не спрашивайте, пожалуйста, в партком какой партии меня вызвали – тогда у нас была единственная и незаменимая компартия, генсеком которой являлся товарищ Брежнев.

Многие сейчас юмористически отзываются о деятельности тов. Брежнева, даже охотно пародируют его. Что ж, было, конечно, в поведении этого доброго человека в последние годы нечто юмористическое. Но он был истинным спасителем нашей страны от коллапса, к которому уверенно вел нас прежний генсек – малограмотный самодур Хрущев. Я-то хорошо помню настоящий голод, который наступил в стране (кроме Москвы) в начале 60-х годов. Это после сравнительного изобилия, которое было в начале 50-х. Конечно – кукуруза в Сибири, не говоря уже о других районах страны, бессмысленная попытка освоения Целины (я сам принимал в этом участие и хоронил товарищей – студентов из Тбилиси, замерзших там в конце августа – начале сентября); реорганизация колхозов, лишившая их техники; насаждение на руководящие должности членов партии, нередко просто тупарей и подхалимов. А расстрелы в 1956 году мирных жителей Новочеркасска и молодежной демонстрации в Тбилиси, где погибло до 800 человек! Я сам был ранен в ногу при этом расстреле и чудом избежал смерти, спрятавшись за каменной статуей писателя Эгнате Ниношвили. А разгон выставки художников-модернистов, которых Хрущев при телевидении обзывал «пидорасами» (правописание на несуществующей совести генсека!), а сама выставка была снесена бульдозерами! А стучать грязным ботинком на заседании Генеральной Ассамблеи ООН – это позволительно главе государства? Поступок, который в советских газетах был назван «новой эрой в дипломатии». Не будь этого сатаны, мы были бы сейчас самой развитой страной мира, таково было наше ускорение в экономике при приходе его к власти! Я помню, когда осенним утром 1964 года радио объявило о «свержении»

Хрущева, народ так и рванул к магазинам, чтобы тут же «обмыть» это радостное событие! Печально и горько вспоминать этот наш позор, но, что было, то было!

Итак, вызывают меня в партком и спрашивают:

– Ты что, себя культурнее других считаешь, что собираешься народ культуре учить? Что за объявление ты вывесил? Может надо тебя на место поставить? Тоже «культурист» выискался!

Я тут же всё понял – очередная малограмотность «членов» парткома!

– Да что вы, культуризм – это не культура, а наращивание мышц, чтобы на производстве работать лучше можно было! – пояснил я «членам», и ведь они поняли:

– Тогда будь поскромнее, обзови как следует этот культурный вид спорта и нечего народу голову морочить!

Я переделал объявление, назвав культуризм «атлетической гимнастикой». Хорошо, что не решился обозвать его «бодибилдингом», а то выгнали бы с работы за «преклонение перед Западом»!

Иногда мне в страшных снах чудится, что я снова живу в позорный хрущёвский период, и мне жить не хочется! Слава товарищу Брежневу за прекращение этого безобразия, все ошибки ему за это простить можно!

Итак, раздавал я полезные советы тренирующейся молодёжи, сам показывал упражнения для развития тех или иных мышц. Предохранял их от опасных ситуаций на тренировке. Например, никогда не фиксировать замками блины при жиме лёжа, если поблизости никого нет: застрянет штанга на груди, если выжать её сил нет. Ведь задавит насмерть, если не сбросить её, а это очень сложно сделать. А если замков нет, стоит только чуть наклонить штангу вбок, как блины с одной стороны тут же соскользнут, а через долю секунды – и с другой. Вот и лежит спортсмен с одним грифом на груди и не верит своему счастью. Так и по другим движениям – всё-таки за десятки лет тренировок опыт накопился.

Много судеб прошло передо мной за годы «работы» в зале. С 1978 года, прямо после новогоднего праздника – 2 января (тогда это был рабочий день) я поступил на работу в мой университет, а вскоре и нашёл этот зал. Было мне тогда под сорок лет, весил я 75 килограммов при росте 172 сантиметра, выжимал лёжа 140 килограммов, приседания и тяга были по 200 килограмм. А когда занимался штангой, то в троеборье поднимал выше нормы мастера килограмм на десять, а на тренировке выжимал даже мировой рекорд. На соревнованиях, правда, судьи такой жим не «считали» – слишком сильным был прогиб туловища назад, такой у штангистов «мостом» называется. Думаю, в порядке самокритики, что из-за таких жимов, которые очень уж участились у спортсменов, и отменили в 1972 году это движение. После этого я, имея «коронным» движением именно жим, и оставил тяжелую атлетику, занявшись пауэрлифтингом и бодибилдингом чисто любительски – без участия в соревнованиях.

Интересны взаимоотношения у спортсменов-пауэрлифтеров, или попросту «лифтёров», в зале. Независимо от возраста они почти всегда переходят друг с другом на «ты». Всё их уважение друг к другу зависит только от величины поднимаемого веса. Характерно то, что не от абсолютной величины веса, а от соответствия его весовой категории спортсмена. Особое отношение было к «химикам», принимавшим анаболические стероиды. Тогда применялись, в основном, дешёвые и доступные таблетки – метандростенолон (в разговоре – просто «метан») и масляный раствор для уколов – ретаболил. Все знали как о том, что спортсмен «подсел» на анаболики, так и о том, что он скоро уйдёт из зала. Нередко мы очень сожалели об этом.

Был у нас один «средневес», лет пятнадцать упорно тренировался почти каждый день не жалея сил – хотел мастера выполнить, но не получалось. И вдруг все замечают невероятные прибавки в результатах спортсмена. Всё понятно – подсел на анаболики! Меньше чем за год легко выполнил мастера, а вскоре и в зал ходить перестал. Не сразу – придёт, бывало, посидит

на скамейке, поглядит с грустью на тренирующихся, пообещает ходить, но вскоре исчезает совсем.

Были и другие судьбы. Незадолго до путча ГКЧП – это путч коммунистов в августе 1991 года – один из наших спортсменов в депутаты «пошёл». Ничем примечателен не был, только балабол, да и дурень изрядный. И вдруг – перестаёт ходить на тренировки, а там в телеке стал показываться. Хохотали над его выступлениями. Сам не слышал, но поговаривали про один его «перл». Обсуждался закон о пенсиях или пособиях для инвалидов детства, в частности, для страдающих нанизмом (в простонародье – лилипутов). Муссировали и муссировали этот «нанизм», пока бывший «наш» не выдержал. Выскакивает на трибуну и возмущённо вопит в микрофон:

– До чего мы дошли, слушать противно – пенсии «страдающим» от онанизма! Да это же смех один – нашли страдальцев! Так, может, и я всё детство «страдал» от того же, да и сейчас, порой, «страдаю», значит, мне пенсию подавай! Позор, да и только!

Смех в зале, с трудом поясняют «нашему», что нанизм – это не онанизм, а лилипутия. «Так бы сразу и сказали, а то простому человеку непонятно!» – проворчал «наш» депутат и сел на место.

А вскоре и ушёл он из депутатов – разбогател, квартиру получил, приватизировал её тут же, автомобиль «Волгу» дали в собственность. Чего ходить – позориться! Ушел с депутатов, но и в зале не стал появляться. Не депутатское это, дескать, дело – тяжести самому поднимать. Прикажу – поднимут!

Но рассказ мой совсем не о депутатах и не о «лёликах-боликах» (так называли у нас в зале, да, наверное, и в других залах, любителей анаболиков), а о моём самом интересном и «долгоиграющем», по крайней мере, до сих пор, знакомстве, перешедшем в дружбу. Эта дружба сыграла огромную роль в жизни не только моего приятеля-спортсмена, по имени Дмитрий, но и двух других людей. А именно – сказочно красивой, и, как оказалось, весьма сообразительной девушки по имени Анастасия, а также очень богатого и влиятельного человека, лет на десять моложе меня, очень располагающей, и я бы даже сказал, привлекательной внешности, которого звали Валентином.

Дмитрий

Дмитрий, или как его все звали – Дима, появился в зале что-то в году девяностом, когда ему было лет тридцать. Зашёл посмотреть, что это у нас так звонко грохочет – а, оказывается, так падающая на помост штанга звенит.

Тогда у нас были ещё старые «олимпийские» штанги с цельнометаллическими хромированными блинами. Как я любил этот завораживающий звук падающей штанги! Кровь мигом прилиwała к голове, сердце начинало стучать чаще, мышцы сжимались в бронзовые слитки... Штангисты моего поколения хорошо поймут меня! Потом эти прекрасные снаряды заменили на бесшумные – тренеры, видите ли, глухнуть стали! Там большие блины были покрыты толстым слоем уродливой разноцветной резины – зелёной, красной или бежевой, что соответствовало весу блина в 50, 20 и 15 килограммов. Малые блины, не достававшие до помоста, либо также покрывались бежевой резиной, либо оставались хромированными. Такие штанги падали глухо, неинтересно и как-то неспортивно. Мне глубоко противны эти глухие «мёртвые» удары штанги о помост. К тому же, резина часто отдиралась от металлического диска и висела на нём уродливыми ключьями. Всё это образно напоминало увядание тяжёлой атлетики как спорта у нас в стране, а, по-видимому, и во всём мире. Были даже попытки исключить этот вид спорта из числа олимпийских, притом, как туда вводятся кёрлинг и другие смехотворные виды «спорта»!

Я связываю всё это с отменой первого движения классического троеборья – жима стоя. Это движение требовало от спортсмена силы мышц плеч и предплечий – дельтовидных, трапециевидных, трицепсов, а также мышц брюшного пресса.

Фигура спортсмена становилась по-настоящему мужской, стройной и красивой. Недаром штангисты часто занимали первые места по красоте тела – «мистер Универсул» и «мистер Мир». Например, как мой кумир Томми Коно, которому я стремился подражать во всём, даже выступал как он – в очках! И вот – из-за трудности судейства отменяют жим. Остаются рывок и толчок – темповые движения, требующие, в основном, силы ног, ну и спины. Подтянул – подсел – встал (рывок), или, подтолкнул – подсел – встал (толчок). Вот и выродились красавцы штангисты (уж извините меня, коллеги по спорту!) в этикие «пенёчки» с толстенными бёдрами (квдрицепсами бедра) и почти без талии из-за развитых поясничных мышц. И по «закону подлости» выродилась и сама по себе штанга как снаряд – из блестящей красивой, с чарующим перезвоном блинов, она превратилась в глухое уродливое орудие, часто со свисающими с блинов ключьями рваной резиновой «шкуры». Прости меня, Господи, но мои ровесники – штангисты тех лет, поймут меня и посочувствуют мне! Но, прочь стенания по прошлому, есть и положительное в смене времен!

Итак, Дима заглянул к нам в зал, привлеченный вышеописанным перезвоном блинов на штанге. Сам он работал в охране соседнего предприятия и ему хорошо был слышен магический перезвон наших блинов. Диме этот перезвон настолько понравился (по-видимому, и вид спорта тоже!), что он, договорившись с тренером, а фактически и негласным хозяином зала, перешел к нам на работу. Кроме зала, находившегося в подвальном помещении, у нас на первом этаже был большой игровой зал (не подумайте, что в «рулетку» – в спортивные игры!) и разные подсобные помещения. Сюда входили – сауна, раздевалки, туалеты, хранилища инвентаря, и даже помещение, сдаваемое в аренду музыкантам. И, конечно же, требовался работник по охране всего этого хозяйства и уходу за ним. Зарплата Димы с этим переходом повысилась слегка, но главное – он получал возможность бесплатно тренироваться в зале и посещать сауну. Дима мечтал о приобретении красивой, стройной и мускулистой фигуры, что теперь можно было осуществить. Данные у Димы были неплохие – рост 180 сантиметров, широкие плечи, тонкая талия – не хватало только сильных и рельефных мышц. Я полагал, что Дима готовит себя к карьере донжуана, или, что почти одно и то же – ловеласа, и оказался почти прав.

Кстати, кто такой был Дон Жуан или Дон Хуан, мы достаточно хорошо знаем, а вот про Ловеласа, наверное, только слышали что-то из пушкинского Евгения Онегина. Дескать, покоритель женских сердец он, красавчик, и тому подобное! Да педофил он, хулиган и убийца! Всю правду о нём написал Ричардсон (тоже известный из Евгения Онегина!) в своём романе «Кларисса». Так вот этот Ловелас, или по английский – Лавлэйс, похитил из семьи несовершеннолетнюю Клариссу, избив при этом её брата, напоил её снотворным и изнасиловал, отчего бедная девочка погибла. Затем этот педофил и насильник бежал из Англии на материк, где и был застрелен на дуэли! А народ сделал из него чуть ли ни героя, в аптеках даже таблетки продают для повышения мужской силы под названием «Ловелас»! Пушкин ещё когда писал: «Ловласов обветшала слава...». А ведь ни чуточки, даже, скорее, наоборот! «О, времена, о, нравы!» – нисколько не «обветшали» за тысячелетия вечные укоризненные слова Цицерона.

Но это моё отступление было скорее в шутку, чем всерьёз. Разумеется, Дима готовил себя не к карьере насильника и педофила, но особенности в его сексуальной ориентации были, к счастью не такие пагубные, как у сэра Роберта Лавлэйса. Но об этом подробнее потом. А пока о тренировках в нашем зале.

Чисто тяжелой атлетикой там уже никто не занимался – как я уже говорил, после отмены жима она потеряла популярность. Но, если быть справедливыми, то потеряла она её только для мужчин, женщины, фактически только тогда и начали ею заниматься. Рывок и толчок созданы как будто специально для женщин – у «прекрасной половины» сила ног и спины почти равна мужской, а рук – намного меньше. Женщины имеют хорошее равновесие, что очень важно для рывка, и у них правильно «включаются» локтевые суставы, что важно для толчка. Им не нужны широкие плечи и могучие руки, а крепкие и красивые бедра и таз – не мешают! Рывок и толчок дамы, правда, не очень тяжелой весовой категории, выполняют очень красиво и, я бы даже сказал, сексуально!

Итак, только начав тренировки, Дима сразу же уловил, чьи советы помогут ему «выстроить» красивую и сексуальную мужскую фигуру, ну и приобрести недюжинную силу. Поэтому он пристроил график своих тренировок к моим, и фактически повторял мои упражнения.

Теперь о сауне. До прихода Димы ею пользовался фактически я один – посещение её было платным и недешёвым. Теперь же для Димы оно стало бесплатным как для сотрудника. К тому же, Дима старался подольше быть рядом со мной – я заметил его дружескую привязанность ко мне, и она оказалась взаимной. Я тут же признался Диме, что, грешным делом, выпиваю в сауне, причем не только пиво («пиво без водки – деньги на ветер!»), а уж его дело – присоединиться здесь ко мне или нет. Как я и ожидал, Дима с энтузиазмом присоединился. Мне понравилось, что выпивал Дима осторожно, не перебирая, но становился при этом весьма разговорчивым и откровенным.

Деревня Безобразово

В сауну мы с Димой заходили после тренировки, часов в шесть. Тренировались при этом не в полную силу, чтобы не надорвать сердце. Первые заходы в «парилку» (буду так называть это помещение по аналогии с русской баней; в предбаннике же мы отдыхали после парилки, там же и «стол был яств») мы совершали до приема жидкости, чтобы «выпарить» из себя побольше воды. После этого мы взвешивались, определяя наш вес «нетто», чтобы сравнить его с весом «брутто» после выпивки. Примерно за полчаса мы доходили до кондиции повышенной разговорчивости и откровенности, и так продолжалось часов до десяти, когда приходил тренер и сообщал о закрытии заведения. К этому времени мы успевали проделать ходок десять в парилку и выпить литра три пива с поллитрой водки на двоих. Интересно то, что наши веса «нетто» и «брутто» при этом оставались почти равными, что говорило о полноценном выпаривании жидкости в сауне. Но хоть жидкость и выпаривалась, опьянение, тем не менее, оставалось, что представляло некий научный парадокс.

А теперь – о чем же болтали в сауне два выпивших холостяка? Дима был холост изначально, а я разведен во второй раз – моя вторая и самая молодая жена Оля сбежала от меня на край света, в данном случае на полуостров Флориду. А болтали мы о том же, о чем обычно болтают подвыпившие мужики, разницу в возрасте которых начисто устранили алкоголь и парилка – о любви. Я, как старший по возрасту и осторожный, старался сдерживать себя в своих воспоминаниях и суждениях. А раскрасневшийся Дима выдавал другу Нику (так меня называли в зале, да и вообще друзья) всю правду-матку, да и не только её. И, чтобы не приводить прямую речь Димы, которую вряд ли можно было назвать интеллигентной и цитируемой в печатном виде, выскажу её как бы от себя и в обработанном виде. Но сперва о малой родине Димы, которая не могла не оставить след не его менталитете.

Родился Дима в 1960 году в Курской области Щигровском районе в селе с ужасным названием Безобразово. Немного об этом «райском» месте. Мне посчастливилось побывать в этом селе в 1975 году на уборке урожая сахарной свёклы в ту пору, когда я ещё работал в Курском политехническом институте заведующим кафедрой теоретической механики уже доктором технических наук. Тогда выпал снег аж в сентябре и установились морозы под пятнадцать градусов. Всех студентов и преподавателей, кроме находящихся в больницах, мобилизовали на уборку этого овоща, или, вернее, технической культуры, которая так и осталась в замерзшей почве. В то время это был типичный ход властей – никаких занятий, все на уборку урожая даже не свёклы, а именно по совдеповски – свеклы. В курских магазинах стал массово появляться продукт «свекла свежемороженая», а в газетах – заметки врачей-диетологов, о том, что «мороженая свекла не только не уступает по полезности свежей, но и...». Нас – преподавателей, среди которых были и престарелые и больные-хроники, погрузили в автобусы и повезли по шоссе до городка Щигры, а там – по просёлочной, уже на тракторных прицепах, до села Безобразово.

Тот, кто не видел курских просёлочных дорог осенью и весной, тот не представляет себе бездорожья вообще. Ведь в Курской области, да и соседних областях слой чернозёма – до восьми метров. Это неслыханное богатство немцы вывозили во время войны в Германию вагонами. В самой же Курской области ручьи и реки по многочисленным оврагам смывают это наше «чёрное золото», кстати, практически невозстанавливаемое, и несут его в Чёрное же море. Ну да, ладно, на наш век ещё хватит, а вот проехать или пройти по чернозёму в распутицу совершенно нельзя. В Курске недалеко от моего дома была незаасфальтированная улица «Сороковая», на которой находилось наше почтовое отделение. Так вот, эту Сороковую, метров в сто шириной, даже в хорошую поду нельзя было перейти без высоких резиновых сапог. Не верите – спросите у любого курянина!

Про непроходимую грязь на курских черноземах писал и сам Чехов.

Приведу известную юмореску А.П. Чехова «Самый большой город», непосредственно поясняющую предмет нашего повествования:

«В памяти обывателей города Тима, Курской губернии хранится следующая, лестная для их самолюбия легенда. Однажды какими-то судьбами нелегкая занесла в г. Тим английского корреспондента. Попал он в него проездом.

– Это какой город? – спросил он возницу, въезжая на улицу.

– Тим! – отвечал возница, старательно лавируя между глубокими лужами и буераками.

Англичанин в ожидании, пока возница выберется из грязи, прикорнул к облучку и уснул. Проснувшись через час, он увидел большую грязную площадь с лавочками, свиньями и с пожарной каланчой.

– А это какой город? – спросил он.

– Ти... Тим! Да ну же, проклятая! – отвечал возница, соскакивая с телеги и помогая лошаденке выбраться из ямы.

Корреспондент зевнул, закрыл глаза и опять уснул. Часа через два, разбуженный сильным толчком, он протер глаза и увидел улицу с белыми домиками. Возница, стоя по колени в грязи, изо всех сил тянул лошадь за узду и бранился.

– А это какой город? – спросил англичанин, глядя на дома.

– Тим!

Остановившись немного погодя в гостинице, корреспондент сел и написал: «В России самый большой город не Москва и не Петербург, а Тим».

Так вот, Тим – это ещё город, а что говорить о подъезде к селу Безобразово!

Временами мне казалось, что наш прицеп застрянет здесь навечно, но подъезжал ещё один попутный трактор и выволакивал нас. Как по таким дорогам можно было перевозить тысячетонный урожай «свеклЫ» – ума не приложу! Дешевле на вертолётах. Воистину «золотую» свеклУ выращивали на курских просторах!

Всё, хватит о курских дорогах! Теперь о самом селе Безобразово сентября 1975 года. Симпатичная деревенька с главной улицей, по обочинам которой стояли дубы с обледенелыми зелеными листьями, которые даже при слабом ветре издавали чудесный мелодичный звон, запомнившийся мне до сих пор. Мороз нагрянул внезапно, когда листочки были ещё зелёными, и законсервировал их. Потом они покрылись тонкой коркой прозрачного льда и превратились в волшебный музыкальный инструмент.

Нашу компанию преподавателей из троих человек с кафедры теоретической механики – завкафедрой профессора (меня), просто профессора лет на пятнадцать старше меня, и молодого ассистента, поселили в доме школьного учителя и его жены. Кроме них в доме проживали трое их маленьких детей – от трёх до восьми лет. Дом включал в себя сени, куда на ночь загоняли скот, кухню с огромной русской печью, и спальню – небольшую комнатку всего с одной узкой кроватью, на которой спали родители. Дети же лежали гуртом на полу на одном матрасе.

Хозяин, распределяя места на ночь, решил двух профессоров, старший из которых был довольно полным, уложить на одной узкой кровати, а молодому ассистенту «залечь» со всей учительской семьей на полу. Туда уже натащили кучу тряпок, чтобы с комфортом улечься на них всей бригадой. Но я пришёл в ужас от такого распределения, так как спать с «мужиком» на одной узкой койке было не в моих правилах – это, как поётся в старой еврейской песенке «неприлично, негигиенично и несимпатично». Поэтому я выбрал себе местечко на печи, куда надо было забираться через узкий пролаз. Но прежде предстояло выгнать оттуда с десятков бешено сопротивлявшихся котят и кошек, сотню-другую крупных чёрных тараканов, а также постелить мне там старенькое байковое одеяльце. На кровати же уместились «вальтом» наш полный профессор с худеньким, но под два метра ростом, ассистентом, а вся семья учителя

была свалена в углу комнаты на матрасе и уже упомянутой куче тряпок. Это, конечно, не гранд-отель, но и не сталинградские окопы.

Всё было бы относительно хорошо, если бы печь к середине ночи не разгорелась до максимума и в малюсенькой каморке на ней не установилась температура мифологического ада. Я, хоть и знал, что являюсь грешником, но находиться в аду ещё при жизни не хотел, и постепенно раздевался в своей каморке догола. Дело осложнялось тем, что в упомянутую каморку постоянно врывались недовольные своим изгнанием кошки, и упорно возвращались в свою альма матер отвратительные тараканы. Под утро я сдался, вывалился из узкого пролаза на печи головой вниз на пол и выбежал голяком в сени поостыть. Корова и лошадь, а также поросята и свиньи в утренней полутьме с ужасом глядели на меня, решив, наверное, что это нечистый пришёл, если не за их душами, то уж наверняка, за телами. Я долго соображал, где может быть в этом доме туалет, но сообразив, что такового тут отродясь не было, сходил по малой нужде туда же, куда ходил по этим делам в сенях крупный рогатый, ездовой, и мелкий свинячий скот. Попозже мы всё-таки уговорили хозяина отгородить занавеской из полиэтилена уголок на дворе для туалетных целей. Всё же лучше, чем ничего!

Затем, после импровизированного завтрака, за нами приезжал УАЗик и отвозил на поле, где мы должны были руководить работой студентов. Мощнейший трактор с суперплугом из последних сил выкорчевывал буквально окаменевший верхний слой почвы со свёклой в нём. Затем студенты и студентки лопатами и тямками пытались освободить клубни свёклы от замерзшего грунта, но труд этот был поистине мартышкин. Клубни разрывались на части, но отходить от мерзлого грунта не хотели. Студенты, оскорблённые ненужностью своего труда, махали тямками формально. И мы ничего не могли поделать с ними.

Я заинтересовался – что же это такое «сахарная свёкла»? Отрезал кусочек корнеплода и пытался угостить им стоящую поблизости лошадь. Та лишь обиженно замотала головой и отвернулась – сахарная свёкла ей была, видимо, не по вкусу. Тогда я сам попробовал её кусочек – ничего, вкусная, сладковатая. Я съел второй кусочек и вдруг... у меня перехватило дыхание! Глотка как бы «заперлась», я не мог ни дышать, ни глотать. Слюни текли у меня из открытого рта, глаза вытаращились – я, буквально, умирал от удушья. Нашли у кого-то валидол, записали таблетки мне в рот, но я не мог ни разжевать, ни проглотить их. Наконец, минут через пять приступ удушья постепенно прошёл; я сидел на горке из замерзших обезображенных свекольных клубней и рассуждал – почему, посылая студентов «на свёклу», никто из руководства не удосужился предупредить, что она опасна в сыром виде? Её можно есть только после термической обработки, а в сыром виде она «вяжет» гораздо сильнее незрелой айвы. Хорошо, студенты все местные, о свойствах свёклы хоть немного, но наслышаны. Не то что я – приезжий, выросший в Тбилиси, где свойства незрелой айвы все знают, а свёклу видели только красную!

А теперь об особенностях менталитета местных жителей. Шофер (простите, что я называю его таким устаревшим именем; слово «водила» мне просто претит, а назвать человека «драйвером» тогда было опасно – ещё врежет!) УАЗика подружился со мной и возил меня по самым разным местам их колхоза. Вот он как-то привез меня не участок очистки свёклы от замерзшего грунта. Мы, буквально, въехали в толпу из 20–30 пожилых женщин с тямками в руках. Женщины были в телогрейках, кирзовых сапогах и темных теплых платках. Лица у женщин бледные, морщинистые, отекающие, никакой косметики; чёрные их зубы хорошо были видны при разговоре или улыбке. Вид этих женщин был ужасен – ну, прямо из концлагеря!

– Вот бы тебя в эту кодлу запустить! – осклабился шофёр, видя мой напряжённый взгляд в сторону женщин.

– Да бог с тобой – это же всё старухи! – испугался я его словам.

– Иди ты, им по двадцать три – двадцать пять всем! Я же их всех знаю! – разволновался шофёр. – Просто они не следят за собой, целый день на ветру, косметики нет, простужены все, да и за зубами не смотрят – поликлиника вона где! Да и времени нет туда ездить, и денег

на лечение и коронки нет! А так – молодые они, накинул куфайку на голову, чтобы морды не видать, и делай своё дело! – разгорячился шофёр. И продолжил: – Я тебе ещё пострашнее людей покажу – что твои дикари с острова Ява, ещё почище! Поедем, тут недалёко!

Мы отъехали километров на десять по бездорожью и въехали в какой-то заброшенный хутор. Дома деревянные полуразваленные, неопрятные, поставлены вразнобой, заборов нет или они повалены – одним словом, мерзость запустения, и не библейская, а самая настоящая наша. Мы вышли из машины, и шофёр забарабанил в одну из дверей. Минуты через три дверь со скрипом и треском отворилась, и в ней показалось какое-то мохнатое существо в грязной бараньей или козьей дохе мехом наружу, со всклокоченными волосами, неопределённого пола. Оно приветливо закивало шофёру, позвало кого-то из избы. Вскоре нас окружили аналогичные диковатые существа неопределённого пола и возраста; только дети, преимущественно с накидками из байковых одеял и светлыми, хотя и редкими зубами. Существа общались с шофёром на каком-то непонятном мне наречии явно славянского происхождения, которое он понимал, отвечая, правда, по-русски. Вскоре он вернулся к машине и вынес оттуда две буханки хлеба и небольшой полиэтиленовый мешочек. Он передал всё это одному из жителей хутора, который благодарно заулыбался, обнажая почти беззубый рот.

– Страшный дефицит аскорбинки, похоже на цингу! – почему-то пришло мне в голову.

Побалакав ещё немного с «туземцами», шофёр уселся за руль, и мы поехали назад.

– Вот, я хотел тебе показать, что делает эта проклятая дармовая свёкла с населением! – начал шофёр, – она в огромном количестве остаётся неоприменованной, особенно мороженая. Вот они её и оприходуют – для самогона, конечно. И самогон называют, и не только они, а вся область – «Мария Демченко», в честь какой-то знатной свекловодки. Нет, не свекольной водки, – со смехом поправился шофёр, видя моё удивление, – а свекловода женского рода! Итак, эта свёкла, чаще всего в буртах, стоит и гниёт, распостраняя вокруг себя спиртовой запах. Чего не хватает, чтобы приготовить из неё эту самую «Марию Демченко»? Да ссыпать эту свёклу в железную бочку, подавить её там немного и оставить в тёплом месте добродить до кондиции. Затем, если невтерпёж, пьют эту брагу прямо так, а если уж непременно хотят самогон, то разводят под бочкой костёр, а на бочку ставят таз с холодной водой. Но под днище таза подставляют или подвешивают плоскую посудину, типа сковороды без ручки. Вот и наполняется эта посуда вонючим самогоном, который периодически, подняв таз, сливают, нередко прямо в рот. Конечно, такой способ перегонки не самый экономичный, но сырьё-то свекольного тут навалом! Закусывают картошкой, которую высаживают рядом с домом, а пекут тут же – в костре под бочкой. А иногда и едят её сырую – так полезнее, говорят! Поэтому хлебу фабричному, что я им иногда привожу, очень рады. Даже отливают мне за это своего самогона. Я его дома углём очищаю от запаха – очень даже неплохой напиток получается!

– Вот ты и смекни, – продолжил шофёр, – от кого у этих людей дети? Я интересовался, расспрашивал их – где, мол, чей, ребята? Они только руками машут. Как, мол, придет желание, по пьяни обычно, так и имеют того, кто поближе. И пола не разбирают, особенно у детей... Тьфу ты! – сплюнул шофёр, инцест один выходит да и педофилия!

– И откуда слова такие заграничные знает? – удивился я, – а рожают где, небось в Щигры ехать приходится?

– Да нет, приучились у себя рожать, до Щигров-то, даже если машина есть, не всегда доедешь! А откуда у этой голытьбы машина? Да и мрут, что мухи, как ещё эти остались – не знаю! Никто им учёта не ведёт, паспортов нет. Считаю бомжи, только при своей хате! Хоронят, наверное, тут же в лесочке поблизости. Никому они не нужны, да и себе тоже! – с горечью в голосе закончил шофёр.

Много раз, когда я уже жил в Москве, снился мне один и тот же сон про дикарей, обступивших шофёра, который протягивал им буханку «фабричного» хлеба. И дети в байковых

накидках, неизвестно, может, у них одни и те же отцы и деды! Неизвестно, живы ли эти люди до сих пор? А ещё – нужна ли такая свёкла, особенно жителям близлежащих деревень и хуторов?

Вот из какой глуши происходит мой молодой друг Дима. Не из хутора, конечно, а из близлежащего села, где даже начальная школа имеется. И, что ж – высокий красавец, с ровными белыми зубами и сформировавшимися красивыми мышцами. Что ж, по моей методике тренирую, и сделаю всё, чтобы он был современен и счастлив!

Осовременивание Димы

Вот Дима и окончил начальную школу в Безобразово, а затем среднюю – в Щиграх. Отца у него не было изначально (быть-то он был, да его никто не видел!), мама помогала ему, как могла, жить в Щиграх. Жил он в общежитии, подрабатывал на строительстве, а затем и права водителя получил, учился в вечерней школе. Учился хорошо, что для вечерних школ нетипично, много читал – очень уж ему не хотелось жить той жизнью, что видел он в детстве!

Про годы учебы в вечерней школе и своей работе, в отличие от своего детства в Безобразово, Дима рассказывал с удовольствием. Друзья, и особенно подруги, его любили – парнем он был добрым, всегда приходил на помощь. Высокий блондин с серо-голубыми глазами, прекрасной фигурой, веселый, за словом в карман не полезет! Но вот заканчивает Дима вечернюю школу в Щиграх, причём с отличием, чего в этой школе давненько не было. При этом имеет опыт работы строителя и права водителя-профессионала. Что ему – остаться в Щиграх и кичиться своим отличным аттестатом? Или поступить в институт в Курске, учиться пять лет, проживая в студенческом общежитии? А что потом – работа прорабом на строительстве до первой растраты и первой же посадки? Или прозябание, женитьба на провинциальной насадке с малюсенькой квартиркой, куча детей, и неизбежный в такой ситуации алкоголизм с сожалением об утраченных возможностях? И нечастые поездки по бездорожью в Безобразово, где осталась жить его мама, занятая непосильным сельскохозяйственным трудом в колхозе «Заветы Ильича»? И что за заветы успел оставить безобразовцам Ильич, уже поражённый сухоткой мозга, вызванной сифилисом, «подаренным» ему парижской проституткой аж в 1902 году?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.